

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

– Видеофиксация традиций и обрядов, традиционной культуры – понятия ее важность для исследователя. Константин, как вы встали на эту тропу, с чего все началось?

– Началось с моего отца, Андрея Марковича Сагалаева – он был известным этнографом, преподавал в НГУ, затем в ТГПУ, читал курсы в университетах США. В 1984 году они с коллегами прошли на катере от Новосибирска до нижних притоков Оби и стали одними из немногих посетивших еще существовавшие тогда святилища северных манси. По материалам той экспедиции был создан документальный фильм «Боги и богатыри народа манси», режиссером и оператором которого выступил известный латвийский кинодокументалист Андрис Сланиньш. Так что интерес к другим культурам, по-видимому, возник еще в детстве. Хотя поступил я, неожиданно для многих, не на историю, а на филологию. Придя на работу в Институт филологии СО РАН, обнаружил много общего в предмете исследования и методах работы между фольклористикой и этнографией. И уже через год поехал в свою первую экспедицию в Читинскую область.

винку было абсолютно всё: по ощущениям, я просто попал в какой-то другой мир, о котором совсем недавно не имел представления. Среди прочих особенно удивил такой момент: во время сеанса камлания в шаманку (это была женщина, в повседневной жизни стоматолог) вселялся специально приглашенный дух, от-

то не только не была пьяной, но и отсутствовал даже сам запах алкоголя. Это было сильно. Понемногу привык к тому, что не все вещи можно и нужно объяснять рационально, иногда нужно просто поверить своим глазам и выдохнуть. В итоге из отснятого тогда материала появился мой первый фильм – «Посвящение».

Коренные народы «под прицелом» визуального антрополога

Буквально на днях вышел новый документальный фильм Константина Сагалаева, младшего научного сотрудника сектора фольклора Института филологии СО РАН «Забывтое волшебство», рассказывающий об утраченных традициях южных хантов – крапивоном ткачестве и вышивке цветными нитками. Мы не упустили возможность побеседовать с Константином об этом фильме и о его пути в науке.

– Вы, в основном, насколько я понимаю, хантами занимаетесь, а чем для вас лично как для исследователя интересна эта культура?

– Нет, не только ханты. Специфика нашей работы в Институте такова, что «под прицелом» находятся все коренные и переселенческие народы Сибири и Дальнего Востока, и экспедиции за эти годы были от Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов до Камчатки и Сахалина включительно. Ездил и в Горный Алтай, и к кетам в Красноярский край, и на Подкаменная Тунгуску, и в Бурятию, и в Якутию, и на Амур

Культовое место "Лапыт Ко" ("Семеро"). Ханты. Сургутский р-н Ханты-Мансийского АО, 2013

– Без трудностей, конечно же, не обходится. Да, летом это – комары, а зимой – мороз; бывают многодневные ожидания самолета или катера, проживание в помещениях, казалось бы, совсем для этого не приспособленных, бывают и странные с точки зрения городского человека быт, которыми принято питаться в тех или иных местах. Для многих (в основном для молодежи) главной трудностью оказывается отсутствие сотовой связи и, соответственно, Интернета. Для меня большей проблемой всегда было возможное отсутствие электричества для зарядки аппаратуры... Но это все – технические моменты, это решается, и это – не главное. Главная трудность – в сжатые сроки (увы, время многомесячных, а то и многолетних экспедиций прошло) успеть наладить контакт и выстроить искренние, человеческие отношения с теми, кого собираешься изучать и записывать, стать хоть чуточку «своим». Любимый обряд – это обязательно строго регламентированное поведение участников, всегда есть большое количество всяких «нужно» и «нельзя». И все это, осо-

ществуют весьма большие различия и в языке, и в культуре между разными группами. Особенно это касается южных хантов: они (как и южные манси, жившие приблизительно там же) были практически полностью ассимилированы русскими. Уже давно никто не говорит на южнохантыйском диалекте, забыт фольклор, не проводятся обряды. Тем неожиданней обнаружить такой пласт в этнокультуре... Еще полтора года назад я не предполагал, что займусь этой темой, буду ездить в экспедиции, работать в музеях. Но позвонила коллега-этнограф Наталья Анатольевна Тучкова из Ханты-Мансийска, предложила поучаствовать в проекте. Я согласился и не пожалел – это был совершенно новый опыт, как в плане тематики, так и в методике работы. Создание фильма растянулось на целый год, он включил в себя и поездки в Санкт-Петербург и Тобольск для съемок в музеях (ибо только там теперь можно увидеть вышитые платья из крапивоного холста), и экспедиции в поселки с целью понять: окончательно ли прервалась передача традиции или есть еще люди, которые что-то помнят, знают или, может быть, даже умеют? Увы, результат был, в общем-то, отрицательный, но мы и были к тому готовы. Пока планов продолжать работу именно в этом направлении нет, но зарекаюсь тоже не будем. В любом случае есть много отснятого и до сих пор не использованного материала, который ждет своего часа. И, конечно, нужно продолжать полевую работу, стараться фиксировать хотя бы те немногие вещи, которые до сих пор доступны для наблюдения.

Кет в традиционном мужском головном уборе – платке, Туруханский р-н Красноярского края, 2005

Тогда еще не было четкого понимания того, что видеосъемка обряда уже сама по себе является его исследованием, что, кроме умения держать в руках видеокамеру, нужно проникновение в наблюдаемую культуру, осознание ее уникальности и ценности. Все это пришло чуть позже.

Стоит сказать спасибо друзьям моего отца – уже, к сожалению, покойным – этнографу Измилу Нуховичу Гемуеву и археологу Юрию Павловичу Холушкину. Именно они рассказали мне, только вернувшись из первого «похода», о том, что есть целое направление в науке – визуальная антропология. Что той же видеосъемкой традиционной культуры и обрядов можно заниматься на совсем другом уровне. С этого и началось...

Очень важным для меня стало знакомство с известными новосибирскими режиссерами-документалистами Раной Мулдашевовой и ее супругом Юрием Андреевичем Шиллером. Это было как некая планка, которую необходимо держать в голове и к ней стремиться. – Одно дело – ездить в экспедицию и что-то записывать, фотографировать, делать видеозаписи. И совсем другое дело – снимать по сути документальный фильм. Вы этому где-то учились или просто – взял камеру в руки и – вперед?

– Именно так: взял – и вперед. Еще в 2002 году по каким-то своим обстоятельствам не смог поехать в экспедицию коллега, выполнявший тогда обязанности видеооператора. Незадолго до отъезда эту роль предложили мне. Отказываться не было ни сил, ни смысла, пришлось экстренно осваивать новую профессию. Инструкцию к видеокамере я читал уже в поездке... И сразу угодил на бурятский шаманский обряд, длившийся несколько дней. Но когда нет времени на примерку и расквашу, на помощь приходят интуиция и везение. В по-

Медвежий праздник. Ханты. Нижневартовский р-н Ханты-Мансийского АО, 2024

чего у нее совершенно менялся и голос, и походка; и сам язык, как мне потом объяснили, был очень архаичным, на котором разговаривали очень давно. Этого духа следовало угостить тем, что он сам пожелает съесть, выпить или покурить. И этот дух, как оказалось, при жизни был очень не прочь выпить спиртного. И так вот потихонечку – по чашечке, по чашечке – он выпил почти бутылку водки. Но на самом-то деле пила ее шаманка, в обычной жизни непьющая... Так вот, когда она вышла из транса,

Хотя если посчитать, то да, окажется, что с хантами доводилось работать несколько чаще. Почему так вышло – уже сложно сказать. Спишем на судьбу...

– С какими трудностями приходится сталкиваться исследователю в экспедициях? Ирина Сальникова, помню, рассказывала, например, о метровых комарах, малосъедобной несоленой ухе с чешуей, которой кормили во время обряда и так далее, но все, конечно, компенсировалось бесценными находками.

бенно «нельзя», нужно знать заранее и назубок. Вот это и есть самое сложное – научиться не мешать, соблюдать даже кажущиеся тебе лишними «условности». Потому что это не условности, а многовековой опыт, для человека другой культуры не всегда понятный и очевидный. И постигать это искусство ты будешь столько, сколько времени будешь продолжать ездить «в поле».

– Я видела фильм про Медвежий игрища, про посещение родового святилища и вот сейчас про традицию крапивоного ткачества и вышивку шерстяной нитью. Наверняка еще какие-то были, и много. Те фильмы, насколько я понимаю, сняты в рамках институц-тских исследований, а это большой интегральный проект. Расскажите о нем, что он вам дал как исследователю?

– Тема крапивоного ткачества и вышивки возникла неожиданно. До этого я почти ничего не знал о том, что было такое потрясающее интересное явление – возможно, потому, что все предыдущие мои поездки к хантам, фильмам и научные статьи касались традиционной культуры восточной и северной хантыйских групп, а су-

Праздник Дьяжыл Бур ("Зеленая листва"). Алтайцы. Кош-Агачский р-н Республики Алтай, 2017

Может быть, завтра снова выпадет шанс побывать там, где никогда не был, узнать что-то о доселе тебе неизвестном – и рассказать об этом языком кино. Этим и цепляет профессия этнографа, фольклориста, визуального антрополога.

Беседовала Елизавета Садыкова
Фото из архива
Константина Сагалаева
Фильм можно найти
на YouTube и в ВК по названию
«Забывтое волшебство»